

АНАТОЛИЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

ВОСЛЕД ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ БЕЛОВУ

О деревенщиках. Совести. Семитомнике

С далёких уже дней прихода к власти Ельцина и по сей день в литературной среде от Москвы и до Сибири слышны нападки на писателей, обозванных ещё “яковлевской” кликой “деревенщиками”. Ряды “деревенщиков” поределели, оставались: Распутин, Куняев, Крупин; недавно ушёл Белов. От сорокалетних слышу: “Вот-де, мол, они и школы не создали, и учеников не оставили, пробавлялись общественными проблемами. Какой из того толк? Зачем Белов сидел в Верховном Совете, а Распутин – в горбачёвском Президентском совете?” Особенно рьяно на эту тему трезвонили либерально-публичные господа и граждане – полистайте подборки газет прошлых лет! – их, правда, старательно изымают из библиотек. Я всегда подавлял в себе желание вступить в диалог, слыша нападки на “деревенщиков”, а прошлой осенью, ожидая проходящий поезд на станции Харовская Вологодской области, в местной газете “Призыв” прочёл статью, которая коротко и очень конкретно ответила на вопросы, во мне скопившиеся, по поводу “деревенщиков” и природы критики, чаще злобной. Прошу перепечатать статью Веры Удаловой – зав. библиотекой семейного чтения г. Харовска.

ОТВЕТ ВЕЛЛЕРУ

Читаю Михаила Веллера, модного нынче питерского писателя. Процесс увлекает. Вдруг спотыкаюсь о фразу, пробегаю её глазами вторично.

Написано: “Распутин, Белов. Хотя ни как писатели, ни как личности они совершенно не изменились. Никогда там не было большой литературы”. Вот такой вывод!

И дальше: “. . . Тот самый недостаток внутреннего потенциала, не дающий выйти за рамки общепонятной литературной традиции, не даёт выйти и за рамки горестной традиции политической”. Это уже приговор. Становится обидно за нашего писателя-земляка. Конечно, Василий Иванович не захочет отвечать Веллеру, он всегда был выше какой-либо пустой трескотни, злобных выпадов, дрызг.

Ответят мои читатели. Летом нашу библиотеку посещают люди из разных регионов России. Вопрос к ним один: “Считаете ли вы книги писателя В. Белова большой литературой?”

Зоя Б. (Архангельск): Белов? Перечитываю “Час шестый”. Наш архангелогородец Абрамов хорош, а ваш харовский самородок ещё лучше.

Татьяна Д. (Шексна): Моя 86-летняя мама читает Белова всю жизнь, а книга “Целуются зори” – настольная. Её герои дают маме жизненную энергию, продлевают её дни на земле.

Марина Н. (Ярославль): Белов – душа русского народа. А любимая повесть – “Привычное дело”. Когда читаю эпизод горестных раздумий Ивана Африкановича на могиле жены Катерины, вышибает слёзы.

Аня О. (Оленегорск): А я люблю Василия Ивановича с детства, с его “Рассказы о всякой живности”. В них доброта, искренность и нравственность. Все те качества, которые сегодня пытаются вытравить из русского народа.

Ольга В. (Харовск): Большой писатель или нет? Для нас, харовчан, он самый большой, да и для всей России тоже. Он выразил в своих книгах наши мысли и чувства, он несёт добро.

Сергей М. (Харовск): Заслуги его перед русской литературой признаны. Он лауреат Государственной премии. За глупости премии не дают. Люблю. Читаю, и детям своим советую купить его книги.

После этих высказываний стало легко на душе. К произведениям Василия Белова всегда был и есть сегодня живой читательский интерес. Они шагнули с нами в XXI век, и жить им долго, до тех пор пока общество не избавится от тяжёлой болезни – дефицита совести.

А как думаешь ты, читатель?

Вера УДАЛОВА,
зав. библиотекой семейного чтения.

Незаменимым пособием для русского читателя в отстаивании творчества В. И. Белова от Веллеров, Быковых, Радзинских, Познеров, Соловьёвых со всеми “Эхами Москвы” и “Комсомольскими правдами” будет вышедший семитомник, собравший его сочинения. Автор месяц жил, держа тома в руках, какую же ему радость доставляли семь “кирпичей”, о которых он мечтал почти полвека!

Я был свидетелем, когда Василию Ивановичу супруга Ольга Сергеевна зачитала письмо депутата Госдумы Грешневикова А. Н. о том, что остановленное финансирование его собрания сочинений возобновлено администрацией Вологодской области. Прикованный к постели, воздев руки к небу, он молвил: “Слава Богу, мы победили!” Издание подготовлено силами вологжан, однако печать осуществлена издательством “Классика”. Неужели в Вологде нет типографской мощности, чтобы отпечатать пятитысячный тираж семитомника? Почему не Вологда получает возврат за вложенные деньги налогоплательщиков? Сегодня том собрания идёт по цене 590 рублей в “Библиоглобусе” на Мясницкой, и найти его не просто: на самом верхнем этаже и под самым потолком.

С волнением просматриваю издание. Охватывает радость: наконец-то впервые появилась полностью трилогия о гибели северной деревни – “Кануны”, “Год великого перелома”, “Час шестый”, – а ведь это главное произведение, с которым Белов рвался к читателю, “Поэма о матери”, пьеса “Семейные праздники”, “Бухтины перестроенные”, “Сказка про Ерша Ершовича”, однажды напечатанная Твардовским в “Новом мире”, “Невозвратные годы”, повествование о Валерии Гаврилине и многие рассказы и публицистические заметки, печатавшиеся только в периодике.

Оппоненты Белова дружно замолчали его роман “Всё впереди”, написанный в стиле киноповести, он кинематографичен в основе своей. Перечитайте роман сегодня! Это основа для душевного фильма, равного “Урокам французского” по В. Г. Распутину и “Калине красной” В. М. Шукшина.

Без огрехов собрание сочинений, тем более – первое – невозможно. Однако о некоторых редакторских вмешательствах, умолчаниях и даже “цензорской правке” адресуюсь к редактору Баранову и составителям примечаний В. Дементьеву и Кокшеновой. Почему публикаторы “окорачивают” авторскую хронологию, а ведь она – основа смысла?!

*С лица земли почти что стёртая,
Оскорблена, разорена,*

*Моя родная, полумёртвая,
Получужая сторона.
В угоду всем друзьям-приятелям,
С которыми поём и пьём,
Неужто в твоего предателя
Я превращался день за днём?*

У них оставлен “пустой” год – 1982. А у автора было 10 октября 1982 года – День колхозника в Тимонихе.

Поэзия Белова практически неизвестна широкому читателю. Она появилась в последнее десятилетие жизни писателя в малотиражных мини-книжках да в “Антологии Харовской поэзии” тиражом 500 экземпляров. А ведь Василий Иванович поступил в Литературный институт в семинар поэта Льва Ошанина, и настоял на его поступлении член Приёмной комиссии поэт Ярослав Смеляков. Я не однажды слышал сыновнюю благодарность Белова Смелякову, сыгравшему заметную роль в становлении его гражданской позиции. Василий Иванович имел намерение собрать все опубликованные стихи и рядом напечатать авторские, без правок, да руки не дошли.

Четвёртый том издания начинается второй частью трилогии “Год великого перелома”. Произведению предпослан эпиграф классика марксизма-ленинизма Фридриха Энгельса, поставленный автором на 374-ю страницу книги. Привожу его, дабы читатели обратили внимание на отношение классика марксизма к славянству и России:

“Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно.

Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом”.

“...Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор”.

Фр. Энгельс

Подарив мне этот том, Василий Белов, написал на титульной странице: “Дорогой Толя! Горд я не всем кирпичом, а одной страницей 374. Белов, 11 декабря 2002 г<ода>”. Почему же эпиграф оставлен вами без комментария в Примечаниях и почему не вспомнили о трилогии, “тиснутой” в одном томе в Вологде в 2002 году (952 страниц – 60 печ. листов)?

История с эпиграфом отчасти отвечает и на вопрос: “Зачем Белов сидел в Верховном Совете?” Пребывая в нём, он надеялся влиять на судьбу своего края. Не его вина, что многое из задуманного не осуществилось (но дорога до Лесопункта отсыпана его хлопотами!).

Белов на заседании Верховного Совета с трудом добивается слова в обсуждении отречения Ельцина. Во время его речи к столу президиума выбегает Жириновский с возгласом: “Гоните с трибуны шибздика!” Иваныч вспомнил: “Я онемел от неожиданных слов и замолк, но откуда-то явилась энергия, и я сказанул ярче, чем было у меня в тексте, правда, потом стенограмму для правки мне не дали, а главред “Известий” Лаптев (орган Верховного Совета), обязанный публиковать отчёты заседаний, на обращение: “Почему не публикуете мое выступление?” – ответил: “Я подчиняюсь не Верховному Совету, а мнению редколлегии, – она в полном составе против публикации Вашего выступления”.

А вот что я видел в “Новостях” Первого канала. Белов начинает фразу и вдруг резко поднимает голову, и в момент, когда он открывает рот, режиссёр передачи делает стоп-кадр и на этом остановленном изображении корреспондент Первого канала с “незабываемой” фамилией Лобков, ведущий репортаж, произносит примерно такой текст: “За отречение президента выступил малоизвестный писатель с севера некто Белов”.

Я смотрел этот репортаж, а по спине жар прошёл, и тут же слышу звон телефона, снимаю трубку. Раздражённый голос вдовы Шукшина: “Ты хоть ска-

жи Белову, чтобы больной не вылезал на трибуну!” Я, не отвечая, повесил трубку.

Вот ведь как умельцы ведут прямой репортаж! Такие события ох как изнашивают душу! А вскоре в Вологде на стенах дома, где живёт семья Белова, пишутся призывы выселиться из квартиры и отказаться от привилегий. Молодые люди бегают с плакатами на ту же тему.

В судьбе Белова последних лет заметное участие принимал тогдашний председатель Совета Федерации Сергей Михайлович Миронов. С его помощью 75-летие писателя было проведено в зале соборов Храма Христа Спасителя. Это было первое в Российской истории чествование русского писателя в стенах главного собора Православной Церкви. Миронов, даже когда СМИ сообщали о скором смещении его с должности, навестил в Вологде больного Василия Ивановича. Среди сопровождающих присутствовал и владелец “Литературной газеты” Поляков. На встрече он выглядел чужестранцем, не произнесшим ни одного слова.

Однако после смерти Василия Ивановича “Литгазета” немедленно сколачивает бригаду писателей по созданию в квартире Белова музея для изучения его наследия. Помнит он, что похоже повёл себя Л. Аннинский, который, будучи идейным противником Шукшина, взялся после его смерти редактировать роман “Любавины” и писать предисловия к изданиям шукшинских книг. К поляковской артели тут же потянулся Личутин, заявивший, что Белов “его учитель”. Василий Иванович, когда заходил разговор о Личутине, был немногословен: “Читал Личутина, мне хочется править или сокращать его многословие... Петушист, даже Фёдора, ценившего его дар, не слушал” (речь идёт о Фёдоре Абрамове).

Сегодня Поляков вручает Личутину премию имени Дельвига (почему бы не Тютчевскую?). Деньги немалые за то, что Личутин всячески унижает журнал “Наш современник”, столько лет достойно защищающий русское слово. По жизни получается, что Поляков “финансирует” Личутина как своего сторонника в лютом противостоянии с Куняевым, защищающим общеписательскую переделкинскую собственность. Чего тут не понять? Поляков уже узаконил в собственности переделкинский участок, а у Личутина пока литфондовая аренда. Личутин, ты же русский, в капиталистах не усидишь!

В мае сего года в новостях прошла информация: в Переделкине сгорела дача, принадлежащая прозаику, литературоведу, автору исторических романов, исследователю литературы русского зарубежья, первому публикатору писателей Шмелёва, Зайцева, одному из призванных исследователей творчества Бунина, Куприна и многих других, Олегу Николаевичу Михайлову. Огонь поглотил и самого хозяина.

Буквально за пару месяцев до трагедии, будучи в Москве, писатель Виктор Лихоносов позвал меня навестить Олега Николаевича, такой визит надо было протоколировать на видео, но я был так ошарашен увиденным и услышанным, что даже фотоаппарат не открывал.

Собрание раритетных изданий, автографов, рукописи, подготовленные для архива РГБ, — дом-музей! Поражала энергия, эрудиция, памятьливость хозяина.

— И как же ты здесь в лесу на окраине один? Как бережёшься? — удивлялся Лихоносов.

— У меня есть чем отбиваться! Надоели ходки с предложениями уступить участок. Я-то доживу, а Переделкино в опасности. Наследники Айтматова не покидают дачу. По какому праву Поляков одним из первых оформил общественную собственность в частную? Евтушенко — тоже собственник!

И Олег Николаевич возлагал серьёзные надежды на новое руководство Литфонда и жарко призывал писателей не молчать.

Заканчивая заметки, приношу особое благодарение составителям за публикацию пьесы “Семейные праздники”, верю, что у пьесы будет долгая сценическая жизнь. Действие пьесы развёрнуто на фоне расстрела Белого дома в 1993 году. Впервые она опубликована в 1994 году в журнале “Москва” (№ 10). К 75-летию писателя в 2007 году, проходившему в Вологодском областном театре, артисты МХАТа имени Горького, возглавляемого Татьяной Дорониной, дали один спектакль по его пьесе на юбилейном вечере (главную роль прожил на сцене настоящий мастер Николай Пеньков). Зрители, затаив дыхание, следили за происходящим на сцене. В тишине, казалось, зал, как

единый организм, узнавал семейную и гражданскую участь юбиляра. Овация была нескончаема. Весь зал был на ногах, а когда из-за кулис на сцене появился Василий Иванович, стало тихо, никто не шевелился, и он произнёс: “Сегодня я почувствовал себя немножко драматургом”. Гром аплодисментов. И эту единственную постановку пьесы проигнорировало вологодское телевидение, не записав её многокамерной фиксацией. На наше обращение руководитель местного телевидения с кавказским акцентом отрезал: “Нэт плёнки”.

Не могу умолчать о завещании. Теленовости, сообщив о смерти писателя, попутно заявили, что согласно завещанию он будет похоронен на родине, а ведь письменного завещания Василий Иванович не оставил! В 1996 году Белов обустроивал могилу матери Анфисы Ивановны, Александр Саранцев и я помогли ему установить ограду, собранную из якорных цепей, тогда он только закончил восстановление храма, расположенного рядом с погостом.

В те дни Василий Иванович твёрдо настаивал, чтобы мы, живые, помогли ему лечь рядом с матерью. В 2004–2005 годах Василий Иванович приезжал в родной дом ещё без посторонней помощи, а в его деревне уже три зимы все дома были пусты. В одно из посещений сгорела его столетняя баня, и он, придя в Гридинскую, констатировал: “Ещё одно поколение сменится, и моя Тимониха исчезнет”. На предложение перенести прах матери в Прилуцкий монастырь он тогда ответил: “Попытка перенести Рубцова в Прилуки поссорила меня с властью светской и церковной. Будь как будет. Рядом с Батюшковым и меня не пустят”.

После этого разговора никогда и ни от кого я не слышал о завещании. Монашествующий художник, побывавший у него в последний год его земной жизни, рассказывал: “Прощаясь, я поднял руку к небу со словами: “Встретимся там!” – на что Василий Иванович, улыбнувшись, показал рукой в поле: “Я здесь хочу быть ещё долго”.

Домашние не говорили ему об ограблении храма городскими собирателями старины, а случилась смерть, и СМИ сообщили, что писателя угнетало известие о жителях, обворовавших его дом в Тимонихе и храм. К чему эта неправда?

Поздним вечером, после сообщения о смерти писателя, Тихон Сретенский, совершив литию, созвонился с Вологодским владыкой архимандритом Максимилианом и получил благословение на погребение писателя в Прилуцком монастыре; присутствовавшие на молебне писатели В. Н. Крупин и В. Г. Распутин по телефону сообщили об этом жене писателя Ольге Сергеевне и услышали из её уст твёрдое решение: хоронить на родине. Звонили и другие почитатели писателя, среди них был и Н. С. Михалков, однако силы протестующих и желающих поскорее его забыть, активно ссылавшихся на несуществующее завещание писателя, убедили семью построить “Ясную Поляну” в Тимонихе. Кто её посетит в двухстах километрах от Вологды на заросшем дурниной погосте?

Семитомник – вечный, настоящий памятник умершему в декабре 2012 года Василию Ивановичу Белову, похороненному на обезлюдившей родине, в Сохте, укрытой непроходимым снегом с волчьими следами по февральскому насту зимой и ноющим звуком мошки, комарья и оводов летом...

Василий Белов и его мать Анфиса Ивановна достойны быть похоронены в Вологде рядом с поэтом Батюшковым.